

М. С. Корзун

**Политические взгляды
и провиденциальная концепция
истории Тита Ливия**

Из многих источниковедческих задач при рассмотрении «истории от основания Города» Тита Ливия (с 753 г. до н. э. до смерти Друза в 9 г. н. э.) в ограниченных рамках статьи следует выделить две: влияние официальной идеологии власти Августа на формирование политических взглядов историка и религиозную концепцию его труда. Т. Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) входил в ученую дружину по прославлению власти Августа. Из 142 книг «Истории» сохранилось 35. Основное содержание утраченных книг составлено по сохранившимся фрагментам. Император Калигула (37—41 гг.) считал Ливия «многословным и небрежным в истории» и приказал изъять его труд почти из всех общественных библиотек. Папа Римский Григорий I приказал сжечь «Историю», т. к. в ней «много рассказов об идольском суеверии».

В «Деяниях божественного Августа», написанных им самим, Октавиан перечислил эти деяния, благодаря которым «он подчинил весь земной круг власти римского народа». Он занял должности триумвира, диктатора. Сенат даровал Октавиану, как и Цезарю, титул «императора», считавший его личным именем (*prænomēn*). Имя Август («священный»), пожизненная трибунская власть и включение имени Августа в гимн Салиев (жрецов Марса), чтобы личность его «была священной и неприкосновенной», высшая жреческая должность понтифика и принадлежность к другим жреческим коллегиям, алтарь Фортуне Возвращающей (в честь возвращения Августа в Рим после установления мира с Парфией дипломатическим путем) алтарь Августову миру, «дабы магистраты, жрецы и весталки ежегодно совершали на нем жертвоприношения», принятие консулами и

жрецами обетов за здоровье Августа каждый пятый год, молитвы всех граждан во всех храмах о его здоровье — свидетельство установления культа Августа, поклонения как богу. Однако, учитывая смертельный опыт своего приемного отца, обожествленного Цезаря, Август не ввел формулу «*deus noster*» («бог наш»), как это сделал Домициан (87—96 гг.). Власть «первого лица в государстве» (*princeps civitatis*) — так назвал ее Август — отсюда принципат — была монархической, но прикрытой названными республиканскими формами. Принцепс поставил себе в заслугу, что он вел по всему земному кругу «гражданские и внешние войны и даровал пощаду гражданам».

Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — современник этих войн и приверженец достигнутого результата, который, возможно, искренне верил в сохранение республиканских учреждений Августом. Хотя существует мнение, что Август прощал Ливию умеренный республиканизм. Республиканизм Ливия не распространялся на практическую политическую сферу. Ливий не занимал, подобно Цицерону, государственных должностей. Он посвятил себя философской и исторической науке. Если Ливий объективно описывал действия Помпея, то по отношению к уже убитому противнику еще более убедительно распространялась упомянутая милость принцепса о даровании пощады гражданам. Объективная характеристика событий и личностей и их субъективное восприятие, изображение фактов и их оценка автором — это то, что должен различать каждый последующий исследователь.

Принадлежность Ливия к ученой дружине по прославлению власти принципата, состоящей из придворных поэтов Вергилия и Горация, определяется не столько благоволением Августа к историку, сколько общей целью «Истории от основания города» — показать провиденциальное божественное предназначение римского народа владеть всем земным кругом, возвеличить род Августа и его самого. Эту цель преследовал и поэт Вергилий (70—19 гг. до н. э.). Если Вергилий

посвятил поэму «Георгики» пропаганде сельского хозяйства, долженствующего восстановить разоренную гражданскими войнами Италию, то Ливий показал разрушающую роль борьбы гражданских социально-политических группировок. Имея ввиду гражданские войны, приведшие к диктатуре Цезаря и происшедшие после его убийства, Ливий писал, что читатели в большинстве своем

поспешали к событиям той недавней поры, «когда силы народа, давно уже могущественного, истребляли сами себя»¹. Гораций в «Эподах» также обращается к согражданам, власть имеющим: «Куда, куда вы рушитесь, преступные, мечи в безумье выхватив?! Уж львы, ни волки так нигде не злобствуют, враждуя лишь с другим зверьем»². Междоусобицы, или мятеж, в союзной Риму Ардее в 444 г., происходившие в то время, когда обострилась борьба между патрициями и плебеями в Риме, которая привела к избранию на период междувластия интеррекса и затем военных трибунов из плебеев, снова возвратили Ливия к этому выводу: «Их (междоусобиц — М. К.) причина и источник, как известно, коренятся в соперничестве сторон, что для многих народов было и будет худшей опасностью, чем война, чем голод и мор, и что как самый страшный из пороков общества, вызывает гнев богов»³. Августов мир ликвидировал эти междоусобицы римлян, которые в «деяниях» названы гражданскими войнами.

Республиканизм Ливия сориентирован на восхваление власти патрициев, а на плебеев V—IV вв. до н. э. он проецирует роль плебса I в. до н. э. и времен правления Августа. Законы Гая Гракха Ливий считает пагубными. Это, однако, не означает, что Ливий лишен способности понять и объективно изобразить события эпохи. Сам он обратил внимание на это: «Я не знаю, каким образом и у меня образ мыслей становится древним»⁴. В таком случае верно и другое умозаключение: Ливий осознает модернизацию событий прошлого путем вынесения оценок со своих политических и этических позиций.

Обстоятельства жизни и политические взгляды Ливия в эпоху Августа предопределили цель и концепцию его истории. Поэтому Ливий относит ко времени основания Рима не только веру в «Божественное происхождение Ромула»⁵, действительно свойственную эпохе царей, но и замысел Ромула, чтобы «Рим стал главой всего мира», явно отвечающий официальному прославлению Августом самого себя и соответствующей концепции Ливия. Одновременно Ливий и сомневается. Молва подрывала веру превращения Ромула в бога. Ромул имел охрану из 300 воинов во время войны и мира. Когда царь исчез во время бури, окутавшей его облаком, отцы объяснили воинам, что он унесен вихрем и провозгласили хвалу рожденному богом царю и основателю города. Гомеровские цари также рождены богами. Глухую молву о растерзании царя

отцами опроверг Прокул Юлий. Он рассказал, что утром встретил Ромула, сошедшего с неба. Царь-бог повелел римлянам быть «усердными к военному делу», так как «нет человеческих сил, способных противиться римскому оружию». «И с этими словами удалился на небо», — сказал Юлий. А Ливий подытожил, что подобным рассказом «тоска народа и войска по Ромулу была утрачена верой в его бессмертие». Убийство Ромула отцами Ливий не считает следствием убийства Ромулом своего брата-близнеца Рема, которое становилось общепринятым способом смены власти.

Цицерон изложил версию Энния Квинта (239—169 г. до н. э.) о вознесении Ромула на небо. Марс спустился на землю во время солнечного затмения и увел своего сына. Для Гомера подобное религиозное представление не может подвергнуться сомнению. Боги Олимпа разлетелись по двум фронтам во время Троянской войны для помощи своим подопечным и непосредственного участия в битве. Подобные религиозные представления на обыденном уровне религиозного сознания отрицались не только в произведении Цицерона «О природе богов». Возможно, историк имеет ввиду и Лукреция Кара (96—55 гг. до н. э.), которые предлагал преодолевать суеверный страх путем объяснения явлений природы с позиций античного материализма.

Во время же войны с самнитами племянник римского консула Спурий Папирий родился прежде, чем появились учения, ни в грош не ставящие богов⁶. Ливий прямо указывает на «всеобщее безразличие» к предзнаменованиям, предвещаниям богов в его время⁷. Война с эквами и вольсками сопровождалась смутой в Риме. Народный трибун Гай Терентий Гарса выступил

против консульской власти⁸. Патрицианская молодежь решила убить народных трибунов, но изгнанники и рабы числом до двух с половиной тысяч заняли Капитолийскую крепость (460 г. до н. э.)⁹. В изображении Ливия, «захватившего нынешний век неуважения к богам тогда еще не знали, и никто не старался истолковать законы и клятвы к собственной выгоде, а скорее приравнивался к ним сам»¹⁰.

Ливий рассказывает о почитании богов, которые предупреждали борющихся плебеев и патрициев по вопросу о составлении писаных законов. Борьба закончилась составлением законов XII таблиц. В качестве предупреждения богов римскому государству Ливий перечисляет проdigии (знамения): зарево в небе, сотрясение земли толч-

ками, появление говорящей коровы, склевывание падающих с неба кусков мяса огромной стаей птиц¹¹. (О prodigiis см. указанную в списке литературы статью Н. И. Миницкого)¹².

В 20-й главе Ливий как бы забудет, что написал в 9-й, ибо предыдущее сообщение не вкладывалось в его религиозно-политическую концепцию божественного провиденциализма о господстве Рима над всем кругом земель. По поводу уже названных prodigiis Ливий пишет: «Обратились к Сивиллиным книгам: предсказано было, что угроза исходит от собравшихся вместе чужеземцев. . . было дано также предостережение не затевать смут. Трибуны обжаловали его как умышленное препятствование закону и теперь предстояла открытая борьба»¹³.

Показательно реагирование на птицегадание консула Луция Папирия во время войны с самнитами в 293 г. Папирий планировал назавтра схватиться с врагом «если позволят птицегадания»¹⁴, которые он и совершил. Причем пулларий (птицегадатель) дерзнул солгать о ходе гаданий и сообщил консулу, будто они (священные куры — М. К.) клюют в три припрыжки, в то время как они не клевали. Обрадованный консул объявил, «что боги сами поведут дело»¹⁵. Сам же Ливий предпочитает судить иначе: «если можно догадываться о божественной воле, то не было еще войска, для богов ненавистнее этого», самнийского¹⁶. Войско запятнало себя кровью человеческих жертв вместе со скотскими¹⁷. Дело в том, что для обеспечения всеобщей мобилизации самниты применяли закон: кто не явится в войско, «тот головой обрекается Юпитеру»¹⁸. Клятва же требовала не уходить из строя, убивать беглеца. Нарушение каралось смертью самого воина, его семьи и рода¹⁹. Отказавшихся дать клятву казнили тут же у алтарей и трупы их лежали среди жертвенных животных.

Упомянутый С. Папирий доложил консулу о ложном гадании. Консул не отверг предсказания, но ответил: «Если он (птицегадатель — М. К.) солгал хоть малость, на него самого и падет божье наказание; мне, однако, было сказано, что куры клевали в три припрыжки, а такое гадание для римского народа и войска исключительно благоприятно»²⁰. Это не гомеровское представление об участии богов в битве. Оно проявляется только в виде божественного возмездия обманщика. Войско же римлян победило. В этом

смысле предсказание убитого птицегадателя не оказалось ложным. Никакого противоречия в решении консула будто бы и нет.

Рассказывая о правлении сабинянина царя Нумы (традиционная дата — 715—672 гг. до н. э.), Ливий подчеркивает знание царем «божественного и человеческого права» (I, 18, 1). Сенаторы-римляне передали правление Нуме. По примеру Ромула Нума велел «о себе спросить богов». Ливий приводит молитву авгура: «Отец Юпитер, если боги велют, чтобы этот Нума Помпилий, чью голову я держу, был царем в Риме, яви надежные знамения в пределах, какие хотел получить»²¹.

Юпитер ниспослал знамения, но какие, Ливий не сообщает. Нума реформировал божественное право. Он воздвиг храм бога Януса. Открытые ворота храма означали, что государство воюет, закрытые — мир с окрестными народами (I, 19, 2—3). Царь одновременно преследовал цель смягчить воинственный нрав римлян, который, однако, угрожал не внешнему врагу, но мог привести народ к распущенности. Раньше народ сдерживала опасность «перед врагом и военной дисциплиной». В мирное время эти факторы исчезали. Поэтому Нума решил «внушить страх перед богами» путем выдуманного им самим чуда. Нума «делал вид, что у него бывают по ночам свидания с Эгерией (своей советчицей и покровительницей рожениц — М. К.);

по ее-де совету он учреждает наиболее приятные богам священнодействия и ставит для каждого бога особых жрецов»²².

Определение «праведности», справедливости войны Ливий относит к области человеческой: «Война, самниты, праведна для тех, у кого уже ни на что не осталось надежды»²³. Однако решение этого дела человеческого зависит от «благоволения или враждебности богов». Поскольку самниты выполнили все требования римлян, но не добились мира, то в предстоящей битве последних ждет кара богов за спесь и «сами боги поведут вас (самнитов — М. К.) в бой»²⁴. Имена самнитских богов не упомянуты. Значит, самниты верили в тех же богов, в которых верили и римляне, как свидетельствует клятва воинов перед алтарем Юпитера.

По именам, однако, названы боги, как и за что они карают людей, когда Ливий излагает события борьбы патрициев и плебеев. К священной клятве о неприкосновенности трибунов консулы Луций Валерий и Марк Гораций добавили закон, по которому нарушитель приносится в жертву Юпитеру, а его имущество в пользу плебейско-

го храма Цереры, Либера и Либеры. И самниты обрекли головы нарушителей клятвы в жертву Юпитеру.

Во время самнитской войны в 343 г. до н. э. римский консул Марк Атилий поставил отряд конницы, угрожая убивать отступающих римлян и пообещал возвести храм Юпитеру Становителю, если войско прекратит бегство, возобновив сражение, победит. И поскольку римляне победили, то Ливий заключает: «Казалось даже, что боги склонились на римскую сторону»²⁵. Сенат велел построить храм.

Ливий влагает в уста вождя самнитов перед их победой над римлянами в Кавдинском ущелье религиозное представление о причине победы: «Но если на этом свете правда и закон уже не защищают слабого от сильнейшего, мне остается взывать к богам, карающим спесь, преступившую всякую меру»²⁶. Имеется в виду спесь, заносчивость римлян-победителей.

Во время военных действий Сципиона в Испании (II пуническая война) в римском военном лагере под Сукроном (Испания) произошел гражданский мятеж. Рядовые солдаты перестали подчиняться командирам, воспользовавшись болезнью консула Сципиона. Выздоровевший командующий на суде заявил: «А если бы я умирал, разве со мною погибло бы и государство, разве со мною предстояло бы рухнуть могуществу римского народа. Да не попустит всемогущий Юпитер, чтобы город, который воля богов создала вечным, оказался таким же бранным, как это мое смертное тело»²⁷.

Идея вечности Рима по божественному предопределению, «провидению» (*providentia*) пронизывает все произведение Тита Ливия. Этой идее подчинено изображение настоящего путем модернизации, осовременивания прошлого для идеологического обоснования системы принципата.

¹ Тит Ливий. История Рима от основания Города // Отв. ред. Е. С. Голубцова. В 3 т. М.: Наука, 1989, 1991, 1993. Т. I. С. 6.

² Дератани Н. Ф., Тимофеева Н. А. Хрестоматия по античной литературе. Римская литература. М.: Просвещение, 1965. Т. II. С. 314.

³ Ливий. История. IV, 9, 3. Т. I. С. 93.

⁴ Там же. XLIII, 13, 1—2. Т. III. С. 347.

⁵ Там же. I, 15, 6. Т. I. С. 18.

⁶ Там же. X, 40, 10. Т. I. С. 497.

⁷ Там же. XLIII, 13, 1—2. Т. III. С. 125.

⁸ Там же. III, 9, 2. Т. I. С. 124.

⁹ Там же. III, 15, 1—2. Т. I. С. 129.

¹⁰ Там же. III, 20, 5. Т. I. С. 134.

¹¹ Там же. III, 10, 5—6. Т. I. С. 125.

¹² Миницкий Н. И. Продигии и социально-политическая борьба в раннереспубликанском Риме // Норция. Проблемы истории и культуры древнейших обществ Средиземноморья. Воронеж: Изд-во Воронеж.

Ун-та, 1978. Проблеме посвящена кандидатская диссертация Н. И. Миницкого «Религиозный аспект сословно-классовой борьбы патрициев и плебеев в Древнем Риме», хранящейся в библиотеке БГУ.

¹³ Ливий. История. III. 10, 7. Т. I. С. 125.

¹⁴ Там же. X. 39, 1. Т. I. С. 496.

¹⁵ Там же. X. 40, 5. Т. I. С. 497.

¹⁶ Там же. X. 39, 15. Т. I. С. 496.

¹⁷ Там же. X. 39, 16. Т. I. С. 496.

¹⁸ Там же. X. 39, 3. Т. I. С. 496.

¹⁹ Там же. X. 38, 10. Т. I. С. 495.

²⁰ Там же. X. 40, 11. Т. I. С. 497.

²¹ Там же. I. 18, 9. Т. I. С. 26.

²² Там же. I. 19, 5. Т. I. С. 27.

²³ Там же. I. IX. 1, 10. Т. I. С. 406.

²⁴ Там же. I. IX. 1. 1, 11. Т. I. С. 406.

²⁵ Там же. I. X. 36, 11. Т. I. С. 492.

²⁶ Там же. I. IX. 1, 8. Т. I. С. 406.

²⁷ Там же. XXVIII. 28, 12. Т. II. С. 347.